

Генеральная Ассамблея

Distr.: General
30 May 2003
Russian
Original: English/French/Spanish

Комиссия международного права

Пятьдесят пятая сессия

Женева, 5 мая — 6 июня

и 7 июля — 8 августа 2003 года

Шестой доклад об односторонних актах государств,

подготовленный Специальным докладчиком

г-ном Виктором Родригесом Седеньо

Содержание

	<i>Пункты</i>	<i>Стр.</i>
Введение: Перспективность темы. Возможные формы итогового результата работы над темой. Методологический подход: исследование конкретных односторонних актов. Структура шестого доклада	1–16	2
I. Признание: Поведение и акты. Молчание и молчаливое согласие. Молчаливое признание посредством имплицитных или конклюдентных актов. Признание договорного происхождения. Критерии для формулирования и дискреционность акта признания	17–67	6
II. Действительность одностороннего акта признания: Формулирование акта: акт государства и лиц, уполномоченных формулировать акт. Констатация ситуации и намерения государства-автора. Законность цели. Вопрос об объекте акта в случае акта признания. Применение акта признания во времени и в пространстве	68–81	19
III. Правовые последствия признания: Противопоставляемость и возможность требовать обеспечения выполнения. Обоснование обязательности акта признания	82–108	21
IV. Применение акта признания: Возникновение правовых последствий и их относительность. Территориальное и временное применение акта признания. Изменение, приостановление, отмена и прекращение одностороннего акта признания	109–123	27

Введение

Перспективность темы. Возможные формы итогового результата работы над темой. Методологический подход: исследование конкретных односторонних актов. Структура шестого доклада

1. Представляется несомненным, что институт односторонних правовых актов не имеет ясности и в еще меньшей степени определенности в международном праве, несмотря на наличие важных концептуальных и относящихся к судебной практике элементов, включая определенную практику государств, которые могли бы служить обоснованием для этого института. Вместе с тем эта тема должна оставаться предметом рассмотрения Комиссией, как об этом заявило значительное большинство ее членов и представителей в Шестом комитете. Правительства поручили Комиссии изучить эту тему и сделать попытку ее кодификации и прогрессивного развития. Несмотря на возможные сомнения, Комиссии приходится заниматься рассмотрением таких односторонних актов. Если бы института односторонних актов в действительности не существовало, Комиссии в любом случае пришлось бы заниматься его рассмотрением, поскольку как консультативный орган Генеральной Ассамблеи она должна рассматривать все темы, которые включены в ее программу. Комиссия должна изучать, как того от нее требуют, правовые концепции на предмет установления их действительного существования и определения целесообразности их кодификации и прогрессивного развития и для того, чтобы иметь возможность дать адекватный ответ на просьбы и вопросы со стороны правительств.

2. Данная деятельность Комиссии с 1997 года, т.е. с того времени, когда было принято решение назначить Специального докладчика по теме односторонних актов государств, сопряжена со сложностями и характеризуется неопределенностью, мешающей продвижению вперед так, как этого хотелось в начале работы над этой темой, что отличает ее рассмотрение от рассмотрения других вопросов в Комиссии. Как отмечалось некоторыми, вопросы, которые рассматривала Комиссия в последние годы, основываются на закрепленном праве, и задача состоит скорее в выборе между различными конкурирующими или несовместимыми между собой нормами, вытекающими из практики государств, как обстояло дело с дипломатической защитой¹.

3. Исключительно важным аспектом, который негативно отразился на ходе работ над этой темой в Комиссии, явилось отсутствие развернутого рассмотрения практики государств. Неоднократно указывалось, что рассмотрение поведения государств в их международных сношениях показывает, что реализуются разнообразные виды односторонних актов и поведения, некоторые из которых не представляют интереса для исследования односторонних актов в том смысле, который нас интересует. Возникающий вопрос главным образом связан с отсутствием определенности относительно твердого понимания государством-автором природы и сферы охвата того акта, который оно формулирует.

4. Комиссия вернулась к рассмотрению этой темы на основе представленных Специальным докладчиком докладов, базирующихся, как указывалось

---

¹ Заявление Джона Дугарда, см. A/CN.4/SR.2722.

раньше, на ранее проделанной Комиссией работе над этой темой. Основанная в большей степени на прогрессивном развитии нежели кодификации разработка норм для регулирования действия таких актов являлась до настоящего времени главной целью, основанием для чего служат принятые Комиссией выводы заседавшей в 1996 году Рабочей группы и мнение большинства представителей правительств в Шестом комитете.

5. Что касается конкретно односторонних актов, то мнение большинства в Комиссии и в Шестом комитете сводилось к тому, что тема односторонних актов государств может служить объектом для работы по кодификации и прогрессивному развитию. Напомним, что заседавшая в 1997 году Рабочая группа сделала в своем докладе вывод о том, что «в интересах правовой стабильности и для обеспечения большей уверенности, предсказуемости и стабильности международных отношений и укрепления таким образом правопорядка целесообразно попытаться выяснить, каким образом действует эта категория актов и каковы их правовые последствия, четко изложив при этом применимые нормы права»². Однако в то же время — и это отражает сложность этой темы и сомнения в отношении нее — некоторые другие члены и представители придерживаются иной позиции и считают, что эта тема еще недостаточно созрела для того, чтобы быть объектом такой работы, и не в последнюю очередь по причине неполного рассмотрения практики государств, в отношении которой те же государства не представили информацию, хотя и была получена некоторая информация, имеющая, кстати, очень актуальное значение для нашей работы.

6. Расхождения во мнениях, наличие которых можно констатировать в Комиссии и в Шестом комитете, независимо от любой количественной оценки, затрудняют продвижение вперед в рассмотрении темы, в связи с чем, пожалуй, надо было бы подумать о каких-то других возможностях, позволяющих устранить некоторые затруднения и продолжить ее рассмотрение и представить государствам мнение Комиссии по вопросу, имеющему такую актуальность для международных отношений.

7. При всей несомненности того, что кодификация и прогрессивное развитие входят в мандат Комиссии как консультативного органа Генеральной Ассамблеи, Комиссия, как известно, предпочла иные пути работы применительно к другим темам, таким, как, в частности, оговорки к многосторонним договорам, в отношении которых вырабатывается Руководство по практике, руководящие положения, к которым государства смогут прибегать на практике в последующем и которые некоторым образом позволят утвердить эту самую практику.

8. Как отметила одна из представителей в Шестом комитете, односторонние акты крайне сложны по своему характеру, и их кодификация может быть обязательно осуществимой в обозримом будущем. Та же представительница добавила, что представляется очевидным, что кодификация не означает простой компиляции концепций и судебной практики: жизненно важно дополнить эти два вышеуказанных элемента практикой, сформированной государствами. В этой связи представительница указала, что принятие резолюцией Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций таких руководящих положений в отношении односторонних актов, аналогичных тем, которые касаются

---

² См. *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, пятьдесят вторая сессия, Дополнение № 10 (A/52/10)*, пункт 196.

оговорок к договорам, могло бы быть целесообразным для того, чтобы обеспечить необязательные правила, на которые могли бы опираться государства, что, по ее мнению, могло бы помочь сформировать единообразную практику в этом отношении³. Можно надлежащим образом учесть эту точку зрения, хотя есть мнение, что принимать решение в отношении окончательной формы, в которую предстоит облечь результат работы Комиссии над этой темой, представляется преждевременным. Решение на этот счет, пожалуй, могло бы облегчить ход нашей работы, уменьшив жесткость выводов. Комиссии надо будет рассмотреть этот вопрос, по нашему мнению, до начала рассмотрения других вопросов в продолжение ранее проделанной работы, которые излагаются в этом шестом докладе.

9. В соответствии с предложениями некоторых членов и представителей государств мы предполагаем уделить основное внимание в настоящем докладе одному конкретному виду односторонних актов — признанию, особенно признанию государства, хотя будут делаться ссылки и на другие акты признания. Акт признания в целом мог бы, кроме того, представлять собой особую категорию этих актов, т.е., по нашему мнению, актов, которыми государство берет на себя односторонние обязательства.

10. Сосредоточение внимания на рассмотрении такого конкретного акта, как признание, могло бы облегчить изучение данной темы и, кроме того, соответствовало бы предложениям некоторых членов и представителей в Шестом комитете. На сессии Комиссии в 2002 году некоторые члены предложили именно такой подход. Так, мы напоминаем, что один из членов указал, что было правильно предложено рассмотреть определенные сферы практики, такие, как признание государств и правительств⁴. Напоминаем также и о заявлении насчет того, что Комиссии надо начать изучение примеров односторонних актов, таких, как признание или обещание, с целью определить целесообразность установления общих норм⁵.

11. В Шестом комитете некоторые представители также сочли, что рассмотрение актов в отдельности могло бы быть наиболее полезным. Так, к примеру, один из представителей заявил, что для достижения более значительного прогресса в работе над этой сложной темой желательно не только компилировать и изучать соответствующую практику государств на максимально широкой основе, но и параллельно с рассмотрением общих норм начать изучать и кодифицировать нормы, касающиеся некоторых односторонних актов, природа и предполагаемые правовые последствия которых относительно легко определить. Протест, признание, отказ и обещание являются примерами подобных односторонних актов⁶. Другой представитель на том же заседании высказал такую же мысль, указав, что для того, чтобы сделать это, было бы необходимым прежде всего выработать метод работы, который соответствовал бы рассматриваемому вопросу и способствовал получению результатов. Такой метод предусматривал бы, прежде всего, изучение каждой категории случаев односторонних актов, начиная с классических, т.е. с обещания и признания. После этого было бы легче перейти к выявлению общих норм, которые были бы примени-

³ Заявление Польши, A/C.6/57/SR.26.

⁴ Заявление Паулы Эскармейи, A/CN.4/SR.2722.

⁵ Заявление Ханьцин Сюз, A/CN.4/SR.2722.

⁶ Заявление Китая, A/C.6/57/SR.24.

мы к этим актам⁷. Другой представитель выразил свое удовлетворение тем, что Специальный докладчик рассмотрит в своем шестом докладе согласно предложению самой Комиссии конкретную категорию односторонних актов, которые, по мнению многих, входят в категорию так называемых классических актов в этой области, таких, как признание⁸. Еще один представитель высказался в том же духе, указав, что для облегчения подобной работы было бы полезным изучить каждый конкретный вид актов, таких, как обещание, признание, отказ или протест, прежде чем обсуждать общие нормы, касающиеся односторонних актов⁹.

12. До того, как приступить к рассмотрению различных аспектов темы в настоящем докладе, нам необходимо указать на один из вопросов, вызывающих наибольшую озабоченность и, следует также отметить, наибольшие сомнения: вопрос, связанный с возможностью выработки определенных норм, общеприменимых ко всем односторонним актам, независимо от их квалификации и правовых последствий.

13. В предыдущих докладах Специальный докладчик указывал, что представляется возможным выработать некоторые нормы, применимые ко всем односторонним актам, особенно в части формулирования акта: определение, способность государства, лица, уполномоченные формулировать акт, условия действительности и причины недействительности, что позволило обменяться очень интересными мнениями в ходе прошедшей сессии Комиссии в 2002 году. Некоторые члены, как можно напомнить, разделяли позицию, сводящуюся к тому, что представляется возможным унифицировать применимые нормы, по крайней мере, на уровне общих принципов¹⁰.

14. Представители в Шестом комитете в 2002 году также высказали свои мнения по данному вопросу. Некоторые высказались в пользу такого подхода. Один из представителей счел, что было бы правильным, чтобы Комиссия сначала сформулировала нормы, общие для всех односторонних актов, а потом сосредоточилась на рассмотрении конкретных норм для конкретных категорий односторонних актов¹¹. Другой представитель на том же заседании отметил, что, несмотря на вызывающий споры характер рассматриваемого вопроса, он убежден в том, что определение общих норм, применимых ко всем односторонним актам требуется для формирования стабильных и предсказуемых отношений между государствами¹². Аналогичным образом еще один представитель призвал Комиссию продолжать изучать общие и конкретные нормы, применимые к различным видам односторонних актов и развивать свою работу на этой основе, с тем чтобы выработать полный и целостный свод норм, касающихся этого вопроса¹³.

15. Независимо от возможности выработки норм, общих для всех односторонних актов, какими бы ни были их форма и правовые последствия, мы рассмотрим признание так, как это было предложено большинством членов в

⁷ Заявление Греции, A/C.6/57/SR.24.

⁸ Заявление Венесуэлы, A/C.6/57/SR.26.

⁹ Заявление Республики Корея, A/C.6/57/SR.26.

¹⁰ Заявление Алена Пеле, A/CN.4/SR.2726.

¹¹ Заявление Непала, A/C.6/57/SR.26.

¹² Заявление Бразилии, A/C.6/57/SR.24.

¹³ Заявление Португалии, A/C.6/57/SR.24.

2002 году. Речь не идет о подготовке нового теоретического исследования в отношении института признания, который в достаточной мере изучен в правове­дении, а речь идет о его изучении в свете рассмотрения в Комиссии темы одно­сторонних актов государств в целом.

16. В главе I мы рассматриваем институт признания, сосредоточивая внима­ние на признании как одностороннем акте, чтобы исключить другие акты и по­ведение государств, которые, хотя и могут порождать аналогичные правовые последствия, все же остаются за рамками такого рассмотрения, которое инте­ресует в настоящее время Комиссию. Кроме того, в этой главе в равной мере кратко упоминаются два интересных вопроса: критерии для формулирования акта и его дискреционность, связанные главным образом с признанием госу­дарства. В этой же главе мы стремимся представить определение акта призна­ния в сопряжении или в широкой связи с проделанной до настоящего времени Комиссией работой; в то же время в конце главы даются некоторые коммента­рии в отношении непризнания, обладающего собственными характеристиками, хотя в определенной степени его последствия могут сопоставляться с послед­ствиями спорного акта протеста. В главе II рассматриваются условия действи­тельности этого акта: формулирование (намерение), законность цели и соот­ветствие императивным нормам международного права. В главе III мы рас­сматриваем правовые последствия акта признания, в частности в том, что каса­ется противопоставляемости и возможности обеспечения выполнения акта. И наконец, в главе IV мы рассматриваем некоторые вопросы, связанные с приме­нением акта: связь между государством-автором и адресатом; территориальное применение акта признания и его применение во времени; и в заключение, хотя и в предварительном порядке, — вопросы, касающиеся изменения, приостановления и отмены акта признания, в том числе по причинам, не связанным с самим актом, т.е. по причинам, не связанным с волей автора, в частности, сле­дуя в определенной мере Венскому режиму права договоров, по причине ис­чезновения цели и коренного изменения обстоятельств.

I. Признание

Поведение и акты. Молчание и молчаливое согласие. Молчаливое признание посредством имплицитных или конклюдентных актов. Признание договорного происхождения. Критерии для формулирования и дискреционность акта признания

17. Преследуемая цель, как указывалось ранее, состоит не в новом исследо­вании темы, в связи с которой требуется крупномасштабная теоретическая ра­бота. Как указывалось во введении, речь идет скорее о представлении наиболее значимых для института признания характеристик таким образом, чтобы увя­зать их с работой Комиссии, проделанной до сих пор в отношении односторон­него акта в целом. Признание как институт и односторонний акт признания не­обязательно являются идентичными понятиями, и именно об этом говорится в настоящей главе. В конкретном плане делается попытка рассмотреть этот ин­ститут и разнообразные акты и поведение, посредством которых признается та или иная фактическая или правовая ситуация или правовая претензия, чтобы

отделить те, которые не входят в контекст одностороннего акта, интересующий Комиссию.

18. В предварительном порядке мы должны рассмотреть вновь вопрос, уже исследованный в предыдущих докладах: трудность квалификации или классификации определенным образом одностороннего акта признания; и необходимость ограничить исследование признания односторонним правовым актом, что заставляет отделить другие акты и виды поведения государства, о которых также в общих чертах упоминается в предыдущих докладах и обсуждениях в Комиссии.

19. Как можно было убедиться из исследования и выводов, которые позволяют сделать нам теория и юриспруденция в области международного права, довольно трудно определенным образом квалифицировать односторонние акты государства и классифицировать их. Можно констатировать наличие возможности квалифицировать их без проведения различий. Так, мы видим связь между фактом признания и другими признаваемыми в теории односторонними актами, такими, как отказ и обещание; и некоторыми видами поведения или позиции государства, такими, как молчание, которое иногда переходит в молчаливое согласие. Кроме того, мы могли бы отметить, что имеется также важная связь, особенно в части последствий, между актом признания и эстоппелем, о которой также говорилось в предыдущих докладах. Как указывает созданная Международным Судом камера по делу "Golfo de Maine": «понятия молчаливого согласия и эстоппеля... вытекают из основополагающих принципов добросовестности и справедливости. Вместе с тем, они основываются на различных правовых доводах, поскольку молчаливое согласие эквивалентно молчаливому признанию, проявляющемуся в результате одностороннего поведения, которое другой стороной может толковаться как согласие, в то время как эстоппель связан с идеей предотвращения»¹⁴.

20. Этот подход обязывает нас также упомянуть о непризнании, которое может быть реализовано посредством прямо выраженного акта или ясно выраженного поведения и которое также представляет интерес и имеет свою коннотацию с правовой точки зрения, однако в любом случае может представлять собой односторонний акт в том смысле, который интересуется Комиссию.

21. Заявление Ихлена является одним из ясных примеров того разнообразия выводов, к которым можно прийти, стремясь квалифицировать акт, что мы пытались продемонстрировать в предыдущих докладах, представленных Специальным докладчиком. Посредством этого заявления признается ситуация, однако в то же время из него вытекают обещание и даже отказ. Аналогичное замечание можно сделать по поводу заявления правительства Колумбии в отношении Лос Монхес, о котором упоминается также в предыдущих докладах и которое может совокупно квалифицироваться как признание и отказ и даже обещание. Кроме того, обоснованными примерами могут служить односторонние заявления о нейтралитете, которые могут означать отказ или обещание; и, наконец, чтобы показать еще раз разнообразие и сложность определения, можно указать на так называемые негативные гарантии безопасности, которые дают государства в рамках переговоров по разоружению и которые могут рассматриваться или квалифицироваться как обещание или отказ.

¹⁴ *CIJ Recueil 1984*, parra.130.

22. В то время как, по мнению некоторых, отказ касается общей способности осуществить свои собственные права, признание является выражением способности государств принимать на себя обязательства: той же способности, которая придает силу любым международным договорам. Признание приближается к обещанию или, лучше сказать, находится в самых широких рамках односторонних актов, которые составляют осуществление общей способности принимать на себя обязательства посредством надлежащего волеизъявления, т.е. в рамках общего института правового акта¹⁵. Как таковой акт признания государства по своей цели, как представляется, носит более четкий характер, нежели другие односторонние акты, в том смысле, что его нельзя легко спутать с отказом или обещанием.

23. Вместе с тем во всех случаях прослеживается общий аспект: государство, которое формулирует акт, независимо от его квалификации или классификации, принимает на себя односторонние обязательства. Государство на основании этого акта обязуется вести себя определенным образом, когда речь идет об обещании; не ставить под сомнение в последующем законность определенной ситуации, когда речь идет о признании или отказе. Акт, формулируемый государством, противопоставляем ему с этого момента, в силу чего адресат имеет право требовать соблюдения; речь идет о противопоставляемости и обеспечении соблюдения, т.е. о вопросе, который мы рассмотрим позднее.

24. Формулирование акта во всех случаях может быть объектом другого общего комментария. Односторонний акт признания, отказа, протеста или обещания является актом одностороннего волеизъявления, которое лицо, уполномоченное действовать от имени государства и связывать государство обязательствами в этой области, формулирует от его имени с намерением породить определенные правовые последствия.

25. Признание фактической или правовой ситуации или юридической претензии не всегда реализуется посредством прямо сформулированных для этого актов. Теория и практика позволяют констатировать наличие различных актов и некоторых видов поведения, посредством которых государство может признать ситуацию или претензию, которые, по нашему мнению, следует исключить из сферы проводимого исследования. По нашему мнению, представляет интерес признание, сформулированное государством посредством одностороннего правового акта. Признание, особенно государств и правительств, может реализовываться в прямой и имплицитной форме. Впрочем, каталогов актов, которые подразумевают признание, не существует.

26. Так, мы видим, что государство может признавать определенную фактическую или правовую ситуацию или юридическую претензию не только посредством прямого волеизъявления, но и посредством видов поведения или различных актов, которые содержат молчаливое, имплицитное или конклюдентное признание. В этой связи мы отмечаем, прежде всего, признание ситуации или претензии посредством неактивного поведения, такого, как молчание, которое, несомненно, имеет большое значение в международном праве и порождает неоспоримые правовые последствия, как это можно видеть из исследования международной практики и теории. Молчание можно толковать как от-

---

¹⁵ Venturini, G., "Les actes et les comportements unilatéraux de l'Etat", *Recueil des cours de l'Académie de Droit International (RCADI)*, vol. II, tomo 112, 1964, pág. 396.

существование реакции, прослеживаемое в связи с ситуациями или юридическими претензиями, особенно территориальными, что рассматривалось неоднократно Международным Судом по таким делам, как “Templo Préh Vihéar”, “Sentencia arbitral del Rey de España”, “Derecho de paso por territorio de la India”¹⁶ и, среди прочего, по делу “Controversia fronteriza, terrestre, insular y marítima”¹⁷. Вместе с тем следует уточнить, что молчание не во всех случаях трактуется как молчаливое согласие, как об этом говорят большинство правоведов и судебная практика международных трибуналов¹⁸; не во всех случаях его можно истолковывать подобным образом¹⁹.

27. Государство может также признать фактическую или правовую ситуацию или юридическую претензию посредством акта, прямо совершенного им, но не с конкретной целью сформулировать акт признания в том смысле, который представляет для нас интерес. Этот акт, которым государство признает имплицитно или конклюдентно данную ситуацию или данную претензию, как представляется, также выходит за рамки категории актов признания в строгом смысле. При этом предположении мы имеем дело с актами заключения государством договоров, которые могут трактоваться как акт признания, порождающий, без сомнения, аналогичные правовые последствия.

28. Когда государство устанавливает дипломатические отношения или заключает договор с образованием, которое оно как таковое не признало, оно признает его с этого момента или с того момента, который устанавливается в акте. Государство, которое заключает договор с другой стороной в отношении территории, безусловно, признает это образование как государство, что имеет правовые последствия, аналогичные тем, которые порождаются актом прямого признания, совершенного с намерением признать такую ситуацию²⁰. Кроме того, как мы увидим ниже, государство может признавать другую сторону через устав, когда последняя принята в члены Организации Объединенных Наций.

29. Другая категория актов признания, которая находится вне контекста одностороннего акта признания, представляющего для него интерес, является актом признания договорного происхождения, т.е. признанием, совершенным посредством договорного акта, подписанного двумя государствами, акта, подпадающего под сферу действия венского режима права договоров. Как представляется, ничто не препятствует двум государствам, посредством договора, в том числе неформального, например совместного коммюнике, подписанного или не подписанного, иными словами, просто выпущенного, принять решение об установлении отношений, что может означать взаимное признание, как это было в случае, например, взаимного признания двух Германий посредством договора, подписанного двумя странами 21 декабря 1972 года, которым обе страны взаимно признали друг друга как законные политические образования.

¹⁶ *CIJ Recueil 1960*, párr.39.

¹⁷ *CIJ Recueil 1992*, párr.100.

¹⁸ *Ibid.*, párr.364.

¹⁹ Арбитражное решение “Isla de Palmas”.

²⁰ В контексте признания государств мы можем привести пример с совместным коммюнике от 17 января 1986 года, подписанным Испанией и Израилем, в котором правительства обеих стран приняли решение установить отношения «очевидный признак... желания признать...», акт, который, без сомнения, регулируется венским режимом права договоров.

30. Признание может совершиться также посредством акта, сформулированного международной организацией, в частности посредством акта, которым то или иное государство принимают в члены Организации Объединенных Наций. Речь идет об одностороннем акте коллективного происхождения, принятом международной организацией в рамках своих полномочий и в соответствии со своими правилами, конкретно говоря посредством официальной резолюции Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций.

31. Принятие новых членов основывается на мотивированной политическими причинами уставной процедуре, предусмотренной в Уставе Организации Объединенных Наций, которая все чаще осуществляется на практике начиная с 1960 года после принятия Генеральной Ассамблеей резолюции 1514 (XV) от 14 декабря 1960 года по вопросу о независимости колониальных стран и народов, а в последнее время после распада бывшей Югославии и Советского Союза. Самый последний случай принятия нового члена связан с принятием Тимора-Лешти посредством резолюции 57/3 от 27 сентября 2002 года. Само собой разумеется, что этот внутренний акт Организации, который не носит характер ясно выраженного акта признания в том смысле, который представляет интерес для Комиссии, имеет правовые и политические последствия, аналогичные рассматриваемому формальному одностороннему акту. Государства, принимающие решение, признают образование, принятое Организацией Объединенных Наций, имплицитным образом. Когда Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии поддержало принятие Корейской Народно-Демократической Республики в Организацию Объединенных Наций, было заявлено: «...мы также признаем... [ее] как государство, но у нас нет планов установления дипломатических отношений»²¹. Акт признания, сформулированный посредством резолюции о принятии в члены Организации, даже может быть противопоставлен государствам, которые отвергают такое признание. В этом случае мы имеем дело с существованием эффективного государства.

32. Хотя речь идет об одностороннем правовом акте коллективного происхождения, порождающем определенные правовые последствия, и, несмотря на его правовую и даже политическую важность, он должен быть исключен из сферы нашего исследования, поскольку он выходит за пределы мандата Комиссии, ограниченного односторонними актами государства.

33. Рассмотрение того признания, которое нас интересует, должно ограничиваться, по нашему мнению, односторонним правовым актом, сформулированным государством с намерением признать определенную ситуацию или претензию. Речь должна идти об актах, сформулированных непосредственно государством в устной или письменной форме, а не об иных других актах или поведении, которые подразумевают признание, хотя они могли бы порождать также правовые последствия. Изучение практики показывает, что многочисленные акты признания формулируются непосредственно заявлением или дипломатической нотой, чаще всего даже в контексте признания государств, которое должно составлять основную отправную точку в настоящем докладе с учетом предложения Комиссии. Среди большого числа актов признания мы отмечаем формальные заявления, сформулированные государствами в целом, посредством которых признаются новые государства Африки и Карибского бассейна и

²¹ Parliamentary Under-Secretary of State, FCO, Hansard, HC., col. 156. 16 October 1991. Citado en *Cases and Materials of International Law*, DJ Harris, 5th. Ed., 1998, pág. 145.

других регионов, которые обретают свою независимость после 1960 года. В самое последнее время мы также наблюдаем большое число актов, связанных с признанием в качестве независимых государств Хорватии, Боснии и Герцеговины, Словении, Литвы, Латвии и Эстонии и, среди прочего, различных бывших советских республик, которые были совершены в результате политического процесса, начавшегося в конце декабря 1980 года²².

34. Прежде чем попытаться определить односторонний акт признания, нам надо рассмотреть два вопроса, которые, по-видимому, представляют интерес: критерии для формулирования акта и его дискреционность.

35. Как станет ясно из сказанного ниже, к акту признания и даже к акту непризнания не применяются какие-либо определенные критерии. Признание государств, например, основывается на критериях, на практике не являющихся однородными, но неизменно отвечающих требованиям международного права. Например, при выработке политики признания государств Соединенным Королевством в 1986 году при рассмотрении вопроса о признании или непризнании Бопутатсваны правительство этой страны установило следующие критерии:

«Обычные критерии, которыми руководствуется правительство для целей признания государства, заключаются в том, что оно должно иметь и, как представляется вероятным, продолжать иметь четко определенную и населенную территорию, правительство, способное самостоятельно осуществлять эффективный контроль за этой территорией, и обладать независимостью в своих внешних сношениях»²³.

При этом делается интересное добавление о том, что «могут также иметь значение и другие факторы, включая некоторые резолюции Организации Объединенных Наций». В том же году правительство Великобритании заявило, что это образование не отвечает требованиям для его признания, поскольку его территория является раздробленной и в значительной мере зависит от Южной Африки. Позднее, в 1986 году, было отмечено, что основная причина, помешавшая признанию этих раздробленных территорий, заключалась, помимо того, что они являлись зависимыми, в последствиях апартеида.

36. Признание на основании актов Организации Объединенных Наций также не имеет под собой каких-либо определенных критериев, хотя в свое время предлагалось унифицировать соответствующие критерии. Одно время Генеральной Ассамблее предлагалось принять декларацию, в которой приводились бы характеристики государства и указывалось, что «наличие таких отличительных черт должно быть установлено до признания любого политического образования в качестве государства». Вместе с тем сделать этого не удалось. Критерием по-прежнему является изъявление государством его политических интересов, поскольку в конечном итоге акт признания является политическим, свободным и дискреционным актом государства, который порождает юридические последствия.

²² Среди многочисленных заявлений о признании мы отмечаем заявления, сформулированные Венесуэлой, посредством которых признаются в качестве суверенных и независимых государств Хорватия (5 мая 1992 года), Босния и Герцеговина (14 августа 1992 года) и Словения (28 декабря 1992 года).

²³ Hansard, H.C., vol. 102, Written Answers., col. 977: October 23 1986; UKMIL. 1986; *British Year Book of International Law* (BYIL), 1986, pág. 507.

37. Вместе с тем на практике можно отметить существование дополнительных критериев признания, которые в известной мере могут определяться условиями, выдвинутыми некоторыми странами в отношении признания определенных государств, в частности возникших после распада Советского Союза и бывшей Югославии. Это касается директив, принятых 12 государствами — членами Европейского сообщества 16 декабря 1991 года, основная цель которых заключалась в согласовании практики самоопределения с уважением международной стабильности, особенно в том, что касается границ и прав меньшинств. В соответствии с этой практикой, которая может отражать некоторые критерии, такие образования должны формироваться на демократических основах, соблюдать Устав Организации Объединенных Наций, права человека и основные свободы.

38. Существует еще меньше оснований утверждать, что имеются критерии признания правовых ситуаций или притязаний, например касающихся состояния войны или территориальных вопросов. На наш взгляд, дискреционный характер такого признания распространяется и на критерии, лежащие в основе заявлений с изложением соответствующего акта.

39. Акт признания является односторонним в строгом значении этого термина и, пожалуй, самым важным вследствие его сути и правовых и даже, можно сказать, политических последствий. Тем не менее, по сути, и это имеет основополагающее значение для его одностороннего характера, этот акт является дискреционным, что подтверждается самой доктриной и общей практикой. Не существует каких-либо общих норм международного права, обязующих признавать ту или иную правовую ситуацию или притязания. Дискреционность по-прежнему является основой такого акта. Подтверждение дискреционного характера акта признания содержится в некоторых документах, например в заключении № 10 Арбитражной комиссии Мирной конференции по Югославии, в котором было указано, что:

«...признание... является дискреционным актом, который другие государства могут осуществить в тот момент, который они выберут, в той форме, в какой они пожелают, и без каких-либо условий, если не считать одного — уважения императивных норм общего международного права» (пункт 4).

40. Как указывалось выше, дискреционный характер акта признания означает отсутствие каких-либо обязательств совершать его. Если бы в этой области могло существовать какое-либо обязательство, то оно носило бы договорный характер.

41. Обязательство непризнания носит иной характер. Прежде всего, государство не может признать ту или иную ситуацию, если она касается или вытекает из ситуаций, противоречащих международному праву, например, вызванных или обусловленных угрозой применения силы или ее противоправным применением, что нашло свое отражение в различных международных документах и текстах, свидетельствующих о существовании нормы общего международного права. В контексте межамериканских отношений примером тому является договор, подписанный в Рио-де-Жанейро 10 марта 1933 года и известный под названием Пакта Сааведры Ламаса, в статье II которого предусматривается, что стороны:

«не признают никаких территориальных договоренностей, достигнутых немирными путями, законности оккупации или приобретения территорий силой оружия»²⁴.

42. Это обязательство также предусматривается в статье 20 Буэнос-Айресского протокола 1967 года (с изменениями, внесенными в него уставом Организации американских государств) и в Декларации 1970 года о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций, в которой указывается, что «никакие территориальные приобретения, являющиеся результатом угрозы силой или ее применения, не должны признаваться законными».

43. Можно также привести и некоторые другие резолюции Генеральной Ассамблеи, принятые консенсусом, в которых провозглашается этот запрет, например резолюцию 3314 (XXIX) об определении агрессии от 14 декабря 1974 года, в пункте 3 статьи 5 которой указывается:

«Никакое территориальное приобретение или особая выгода, полученные в результате агрессии, не являются и не могут быть признаны законными».

44. Следует также отметить резолюцию 42/22 от 18 ноября 1987 года о Декларации об усилении эффективности принципа отказа угрозы силой или ее применения в международных отношениях, в пункте 10 которой указывается:

«Ни приобретение территории в результате угрозы силой и ее применения, ни какая бы то ни было оккупация территории в результате угрозы силой или ее применения в нарушение международного права не будут признаваться в качестве законного приобретения или оккупации».

45. Обязательство непризнания также содержится в резолюциях Совета Безопасности, например в резолюции 662 (1990) от 9 августа 1990 года о ситуации в отношениях между Ираком и Кувейтом, в которой говорится следующее:

«1. *постановляет*, что аннексия Кувейта Ираком в какой бы то ни было форме и под каким бы то ни было предлогом является юридически незаконной и считается недействительной;

2. *призывает* все государства, международные организации и специализированные учреждения не признавать эту аннексию и воздерживаться от любых действий или контактов, которые могли бы быть истолкованы как косвенное признание аннексии».

46. С другой стороны, государство не обязано формулировать акт непризнания, чтобы продемонстрировать, что та или иная ситуация является для него неприемлемой. Иными словами, оно не обязано выступать с конкретным актом такого рода, т.е. дискреционный характер акта признания относится и к формулированию акта непризнания. Как представляется, не существует какой-либо нормы общего международного права, которая бы обязывала государства формулировать акты признания или непризнания, что свидетельствует о дискреционном характере обоих актов. Государство не может, причем это не оставляется на его усмотрение, признавать ситуацию, сложившуюся в результате примене-

²⁴ De Martens, *Nouveau Recueil Général des Traités*, 3a. serie, tomo XXXII, pág. 656.

ния силы или угрозы ее применения, с помощью явно выраженного акта или конклюдентных мер или поведения.

47. Признание в общих чертах было всесторонне рассмотрено в доктрине²⁵, хотя его определение может меняться в зависимости от предмета, о котором идет речь, т.е., если речь идет об общем определении или же определениях, связанных с каким-либо конкретным предметом, например с признанием государства, правительства, повстанцев, состояния войны, национально-освободительных движений или любых изменений или преобразований в сфере правопорядка, в том числе в территориальных вопросах, которые являются одними из наиболее важных и деликатных предметов, на которые распространяются эти акты и в отношении которых международные суды неоднократно выступали с определениями.

48. Хотя речь и не идет о специальном термине, который имел бы в международном праве точное значение²⁶, большинство авторов в целом определяет его, как «одностороннее волеизъявление, с помощью которого субъект международного права констатирует наличие того или иного факта, ситуации или притязания и выражает свое намерение считать их законными²⁷. Другие авторы выступали с аналогичными общими определениями. Признание является односторонним актом, «который является выражением отношения государства к той или иной фактической или юридической ситуации»²⁸ или же «волеизъявлением... государства или группы государств с намерением непризнания ситуации, признания которой добивается какое-либо государство»²⁹.

49. В этом и других часто встречающихся в доктрине определениях особо отмечаются три составных элемента определения акта: формальный односторонний характер, констатация уже сложившейся ситуации и намерение автора вызвать определенные правовые последствия, признавая ее противопоставимость.

50. Определение акта признания содержит ряд следующих элементов: одностороннее волеизъявление (свободное от изъянов), правоспособность субъекта, выступающего с таким актом, и лица, действующего от его имени, законность объекта акта и наступление правовых последствий, которое мы рассмотрим в

²⁵ См. в частности: Kelsen, Hans, "Recognition in International Law: Theoretical Observations", *American Journal of International Law (AJIL)*, 1941, vol. 35, pág. 605; Venturini, G. *Il riconoscimento nel diritto internazionale* (Milan, 1946); Lauterpacht, H. *Recognition in International Law* (Cambridge, 1947) y Kunz, Josef, "Critical Remarks on Lauterpacht's Recognition in International Law", *AJIL*, 1950, pág. 713; Williams, J. F., "La doctrine de la reconnaissance en droit international et ses développements récents", *RCADI*, 1933, II, tomo 44, págs. 199 a 314; Charpentier, J. *La reconnaissance internationale et l'évolution du droit des gens* (París, 1956); Suy, E., *Les actes juridiques unilatéraux en droit international public* (París, LGDJ, 1962); Brownlie, Ian. "Recognition in theory and practice", *BYIL*, 1982, págs. 197 a 211; Dugard, John. *Recognition and the United Nations* (Cambridge, 1987).

²⁶ Brownlie, Ian. "Recognition in theory and practice", en *The structure and process of International Law*, R. St. J. MacDonald y D.M. Johnston (Dordrecht, 1983), pág. 627.

²⁷ Díez de Velasco, M. *Instituciones de Derecho Internacional Público*, 11ª ed. (Tecnos, Madrid, 1999), pág. 133.

²⁸ Monaco, Riccardo. *Cours général de droit international public*, *RCADI*, 1968, vol. III, tomo 125, pág. 182.

²⁹ Degan, V. D., "Création et disparition de l'Etat (à la lumière du démembrement de trois Fédérations multiethniques en Europe)", *RCADI*, 1999, tomo 279, pág. 247.

главе III. В любом случае эти отличительные черты акта признания в целом, как представляется, применимы к акту признания государств.

51. Рассматриваемый нами акт признания представляет собой одностороннее волеизъявление, которое само по себе порождает последствия. Не требуется каких-либо других волеизъявлений для возникновения правовых последствий этого акта. Этот акт является односторонним по своей форме и в смысле своей независимости или отсутствия связи с какой-либо ранее существующей нормой, хотя он и может быть связан с какой-либо ранее существующей фактической ситуацией, как, например, в случае акта признания государств.

52. Акт признания является «волеизъявлением, которое в принципе не должно содержать никаких условий и не должно предусматривать никаких ограничений»³⁰. Вместе с тем, хотя акт признания может считаться актом деклараторного характера, на практике, как отмечают некоторые авторы³¹, этот акт может сопровождаться определенными условиями, которые связаны с рассмотренными выше критериями формулирования такого акта.

53. Например, в европейском контексте упомянутые выше директивы в отношении признания, принятые Европейским сообществом, не являясь по сути актом признания, определяют критерии формулирования такого акта государствами-членами. В упомянутом выше заявлении Европейского сообщества о Югославии от 16 декабря 1991 года содержится четкое требование о том, чтобы «одна из югославских республик, прежде чем она будет признана, взяла на себя обязательство принять конституционные и политические гарантии того, что она не имеет территориальных претензий к соседнему государству Сообщества и что она не будет вести никакой враждебной пропагандистской деятельности в отношении соседнего государства Сообщества, включая использование названия, подразумевающего территориальные претензии».

54. Акт признания, как и любой односторонний акт, может формулироваться одним государством, совместно несколькими государствами и даже несколькими государствами в согласованном порядке путем аналогичных, хотя и не обязательно идентичных заявлений³².

55. Акт признания, особенно в том, что касается государств, может носить индивидуальный, солидарный и даже согласованный характер, т.е. формулироваться различными государствами в виде различных, одновременных или в соответствующих случаях неодновременных актов или заявлений, хотя речь не идет об актах признания, заявлениях о негативных гарантиях безопасности, о которых мы говорили в предыдущих докладах, и которые, скорее, отражают обещание и даже отказ, согласно наиболее широко распространенному в теории определению. Такая возможность согласованного принятия отражается в контексте формулирования односторонних актов в целом. Как представляется,

³⁰ Strupp, M., *Grundzüge der positiven Völkerrechts*, 5a. edición (Bonn y Colonia, 1932), pág. 78. Citado por J.F. Williams, en “La Doctrine de la Reconnaissance en droit international et ses développements récentes”, RCADI, 1933, vol. 44, pág.210.

³¹ Barberis, Julio. “Los actos jurídicos unilaterales como fuente de derecho internacional público”, an *Homenaje a M. Díez de Velasco* (Madrid, 1993), págs. 101 a 116. Автор признает, что эти акты могут носить обусловленный характер или зависеть от определенных ситуаций, что лежит в основе его прекращения или аннулирования.

³² Suy, E., *op.cit.*, pág. 191. Erich, R., *La naissance et la reconnaissance des États*, RCADI, 1926, vol. 13, pág. 457.

ничто не препятствует ряду государств формулировать аналогичные и даже идентичные заявления для целей признания фактических или правовых ситуаций. В случае признания государств это видно на примере актов признания, сформулированных европейскими государствами в отношении новых европейских государств, возникших в результате распада бывшей Югославии.

56. В межгосударственной практике можно отметить многочисленные и важные акты признания индивидуального характера, касающиеся главным образом ситуаций, связанных с государствами, правительствами, состоянием войны и повстанцами, которые часто встречаются в различных справочных материалах о практике государств. В частности, эти заявления можно встретить в контексте признаний государств, совершенных в 60-е годы в ходе процесса деколонизации, который начался после принятия Декларации Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций, и в последнее время с образованием новых государств в результате распада Советского Союза и Социалистической Федеративной Республики Югославии. Мы уделяем основное внимание первой категории, хотя на практике можно отметить и многочисленные заявления по территориальным вопросам, например упомянутые выше заявление Исландии и заявление правительства Колумбии, а также другие ситуации, такие, как признание состояния войны или повстанцев.

57. Что касается солидарных заявлений, то можно отметить заявление, принятое 12 государствами 16 декабря 1991 года в Брюсселе, о «руководящих принципах» для признания новых государств в Восточной Европе и в Советском Союзе, а также в отношении Югославии, которые в принципе принимаются государствами-членами при признании таких образований. Как отмечалось выше, заявление 12 государств не является актом признания само по себе. Теория считает, что государства не передали Европейскому союзу полномочия по признанию. Поэтому на базе указанных заявлений европейские государства приняли решение признать в индивидуальном, но согласованном порядке, хотя и не обязательно в одних и тех же формулировках, новые государства, возникшие в результате распада бывшей Социалистической Федеративной Республики Югославии и Советского Союза.

58. В случае признания, в частности признания государства, путем специально сформулированного для этой цели акта, намерение государства установить несложно, как это можно проследить в заявлениях некоторых государств в отношении признания государств, образовавшихся в результате распада бывшей Югославии, в которых указывается «признает...», что свидетельствует о намерении предоставить статус государства, требуемый этими образованиями. В конкретных заявлениях, как мы видим, указывается, что государство-автор «приняло решение признать...»³³.

59. Интересующий нас акт признания формулируется, как правило, в виде заявления, которое представляется в форме дипломатической ноты или сообщения, направляемого государством-автором властям соответствующего государства или образования, являющегося объектом акта. Акт признания, как это видно на практике, как правило, носит письменный характер, что не исключает возможности его устного формулирования, как, например, в случае заявления

³³ Notas Diplomáticas del 5 de mayo de 1992, Libro Amarillo del Ministerio de Relaciones Exteriores de Venezuela, págs. 505 y 508.

министерства иностранных дел Венесуэлы о непризнании повстанческой группы, о котором мы будем говорить позднее при рассмотрении акта непризнания. В такой неформалистической системе, как международное право, форма признания сама по себе не имеет значения³⁴. Критерий неопределяющего характера формы акта в контексте одностороннего акта в целом в особенности применим к акту признания государства.

60. В сфере территориальных вопросов, к которым мы обратимся лишь в качестве примера, дипломатическая корреспонденция является наиболее широко используемым методом совершения акта признания; об этом свидетельствует практика, зафиксированная, в частности, в делах, рассмотренных международными судами, например в деле о рассмотрении правового статуса Восточной Гренландии, по которому Суд рассматривал официальную переписку Дании с другими государствами³⁵. В деле “*Minquiers y Ecrehos*” Суд рассмотрел официальный документ Великобритании от 17 августа 1905 года³⁶. В отношении упомянутого выше заявления Колумбии можно также отметить, что оно было передано в виде дипломатической ноты министерства иностранных дел. В любом случае, как представляется, форма не носит определяющего характера для совершения акта признания.

61. С другой стороны, акт признания в целом и признания государства в частности должен быть известен, что согласуется с выводами, к которым мы пришли в вопросе об одностороннем акте в целом. Известность, которая выходит за рамки самой публичности акта, т.е. осведомленность об акте и его содержании адресата, является еще одним составным элементом определения акта признания. Действительно, акт должен быть известен адресату, чтобы он мог повлечь за собой правовые последствия, хотя для кого-то это может иметь, скорее, доказательственное значение, которым он, безусловно, также обладает. Ссылку на известность сделала палата Международного Суда, созданная для рассмотрения дела “*Golfo de Maine*” при изучении ответа Соединенных Штатов Америки по поводу отсутствия осведомленности о предоставлении Канадой разрешения на производство офшорных работ³⁷.

62. С другой стороны, и об этом мы говорим в главе III настоящего доклада, акт признания порождает определенные правовые последствия независимо от его принятия адресатом, которые вытекают из намерения государства-автора. Односторонний акт признания противопоставили государству-автору с момента его формулирования.

63. Анализ акта признания вынуждает нас рассмотреть также и акт непризнания, который может осуществляться путем формулирования ясно выраженного акта, что в известной мере напоминает признание, а также с помощью конклюдентных актов или поведения. Действительно, как указывалось, государство может признать ту или иную фактическую или правовую ситуацию или правовое притязание. Вместе с тем государство может также не признать ситуацию как в явной, так и в имплицитной форме, что также может породить правовые последствия.

³⁴ Verhoeven, Joe, curso citado, pág. 22.

³⁵ *CPJI, Serie A/B*, No. 53, pág. 54.

³⁶ *CIJ Recueil 1953*, vol. I, págs. 123 y 124.

³⁷ *CIJ Recueil 1984*, párr. 131, pág. 305.

64. Непризнание может осуществляться путем формулирования ясно выраженного акта, который по своим правовым последствиям в известной мере напоминает протест. Отрицание, сформулированное в прямом заявлении о непризнании требуемого качества образования, которое стремится быть признанным в качестве государства, может являться результатом прямого заявления, как, например, в случае ясно выраженных актов непризнания, сформулированных Грецией в отношении бывшей югославской Республики Македонии, или некоторыми государствами в отношении Южной Родезии.

65. Ясно выраженное непризнание может осуществляться в другом контексте, т.е. в отношении признания не государства, а иного субъекта. Признание какого-либо образования, отличного от государства, каковым могло бы быть внутреннее повстанческое движение, также представляет интерес для целей изучения непризнания. Например, существуют односторонние акты, которые, основываясь также на политических мотивах, могут порождать важные правовые последствия в международных отношениях. В современной практике таким является случай, например, устного заявления, с которым выступил министр иностранных дел Венесуэлы и в котором было указано, что «Венесуэла не будет квалифицировать в качестве террористов левых партизан в Колумбии... (Вооруженные революционные силы Колумбии и Армия национального освобождения)»³⁸. Явный отказ от квалификации предполагает непризнание определенной стороны, что влечет за собой важные правовые последствия, связанные главным образом, по меньшей мере, с применимым правовым режимом.

66. Рассмотрение акта непризнания в рамках исследования того акта, который нас интересует, имеет важное значение. Правовой акт непризнания, как отмечалось выше, также является односторонним волеизъявлением, сформулированным с намерением породить определенные правовые последствия. Таким образом, на наш взгляд, акт непризнания, сформулированный явно и независимо и без связи с другим волеизъявлением, может относиться к контексту изучения того акта, который нас интересует. В отличие от этого имплицитное или молчаливое непризнание, которое в строгом смысле не является правовым актом, следовало бы исключить из сферы нашего исследования как и упомянутый ранее акт молчаливого или имплицитного признания.

67. Представляется сложным дать определение акту признания, а конкретно акту признания государства, так же как и определение одностороннему акту в целом. Тем не менее мы можем попытаться предложить определение, которое, в некоторой степени, согласуется с предыдущей работой Комиссии над этой темой. Таким образом, акт признания можно было бы определить следующим образом:

«одностороннее волеизъявление, сформулированное одним или несколькими государствами индивидуально или коллективно, посредством которого констатируется существование фактической или правовой ситуации или правомерность юридической претензии, с намерением породить определенные правовые последствия, в частности, признать его действие начиная с этого момента, или с момента, указанного в том же заявлении».

³⁸ Заявление министра иностранных дел Венесуэлы. Газета «Эль Универсаль», 11 марта 2003 года, Каракас.

II. Действительность одностороннего акта признания

Формулирование акта: акт государства и лиц, уполномоченных формулировать акт. Констатация ситуации и намерения государства-автора. Законность цели. Вопрос об объекте акта в случае акта признания. Применение акта признания во времени и в пространстве

68. Попытавшись определить односторонний акт признания в соответствии с теорией и практикой, а также разработанными к настоящему времени трудами Комиссии, мы переходим к условиям действительности акта признания.

69. Условия действительности правового акта в целом представляются применимыми и к акту признания в частности. Хотя в предыдущих докладах не делалось попытки разработать какой-либо проект статьи об условиях действительности одностороннего акта, в них содержалась ссылка на такие условия, в частности на способность государства, на полномочия лица, которое может выступать от имени государства в сфере международных отношений и брать на него обязательства в этой области, и на причины недействительности, которые охватывают, как мы уже говорили, законность цели, его соответствие нормам международного права и волеизъявлению и его безупречное формулирование, и обо всем этом мы поведем речь ниже.

70. В большинстве случаев, на которые ссылается практика, только государства формулируют акты признания в том смысле, который нас интересует, т.е. односторонние, явные акты с намерением вызвать правовые последствия, что не исключает возможности существования и других субъектов, правомочных делать это. Акты признания государства и правительства, акты, связанные со статусом воюющей или восставшей страны, а также акты, связанные с нейтралитетом, объявленным государством и с территориальными вопросами, формулируются государствами. Поэтому главное выдвигаемое условие действительности имеет отношение к правоспособности государства, что исключает, по крайней мере на данный момент, возможность того, чтобы другие субъекты международного права, такие, как международные организации, формулировали акты такого рода.

71. Акты признания, а в конкретном плане — акты признания государства, в отличие от других односторонних актов, как правило формулируются министерствами иностранных дел и соответствующими министрами, что не исключает возможности формулирования актов от имени государства другими связанными с ним лицами. Дипломатические ноты, как это видно на практике, являются, как правило, теми заявлениями, которые делаются министерствами иностранных дел в качестве органов, преимущественно компетентных выступать от имени государства на международной арене, хотя только внутреннее право решает вопрос о правоспособности выступать от имени государства в этой связи.

72. В сфере односторонних актов в целом можно утверждать, что другие органы и представители государства могут выступать от его имени на международной арене и накладывать на него обязательства, но этот вопрос рассматривался в предыдущих докладах и по нему Комиссия высказалась довольно пространно; вместе с тем, в связи с актом признания и, говоря более конкретно,

актом признания государства представляется трудным допустить возможность того, чтобы какое-либо лицо, отличное от главы государства или правительства, от министра иностранных дел или от представителей государства в ограниченных сферах, таких, как послы в каком-либо государстве или при какой-либо международной организации, при которых они аккредитованы, выступало от его имени. Признание государства или правительства едва ли является целью акта признания со стороны какого-то иного органа. В случае признания государства неизбежно возникает ограничительный критерий, что проявляется в иной форме, возможно, в связи с другими односторонними актами, такими, как обещание, в отношении которых можно установить более широкий критерий, поскольку, по сути дела, цель этих актов может входить в сферу компетенции других органов власти государства.

73. Международные суды рассматривали характер отдельных заявлений, объясняя в некоторых случаях их обязательный характер³⁹. Вместе с тем не все должностные лица или лица, связанные с государством, если обратиться к более широкой категории, могут формулировать акты от его имени и брать на него обязательства на международной арене. Так, акт технического сотрудника был рассмотрен в связи с делом *Golfo de Maine* («Залив, прилегающий к штату Мэн»), по которому Камера Международного Суда сочла, что этот акт не возлагает международных обязательств на Соединенные Штаты. В этом случае, если вспомнить, Камера Суда сочла, что положения письма Хоффмана не могут иметь силу в отношении Соединенных Штатов⁴⁰.

74. Что касается акта признания государства в конкретном плане, то не удалось найти ссылок на его рассмотрение международными судами в целях установления его обязательного или необязательного характера.

75. Условия действительности и причины недействительности одностороннего акта в целом и акта признания в частности имеют отношение, помимо прочего, к цели, проявлению согласия и соответствию нормам международного права. В предыдущих докладах этот вопрос уже рассматривался и, в частности, было отмечено, что односторонний правовой акт может в значительной мере регулироваться нормами, схожими с теми, которые применяются к договорам и которые в целом признаются венским режимом по этому вопросу.

76. Согласно основным положениям теории, цель акта признания, связанного с какой-либо ситуацией или какой-либо претензией, должна быть законной. Объект акта, как было сказано, может быть различным, однако главным из них является государство, «рождение которого не прекращает вызывать с конца XVIII века рефлексы (не)признания со стороны «семьи наций», призванной приветствовать появление нового члена в своем лоне»⁴¹. Цель может иметь отношение — что также известно — к правительству, к статусу воюющей или восставшей стороны, к какой-либо правовой претензии. Не существует крите-

³⁹ Так, например, Постоянная палата международного правосудия признала обязательный характер заявлений по делам *Mavrommatis*, *Intereses alemanes en Alta Silesia* и *Zona franca*. В контексте одного из судебных процессов арбитражный трибунал счел, что заявления агента в ходе устного судопроизводства являются обязательными для государства.

⁴⁰ *CIJ Recueil 1984*, párr. 139.

⁴¹ Verhoeven, J., "Rélations internationales de droit privé en l'absence de reconnaissance d'un Etat, d'un gouvernement ou d'une situation". RCADI, 1985 (III), tomo 192, p-1g. 20.

риев для установления ограничительного списка целей, в отношении которых может формулироваться акт признания.

77. С другой стороны, несхожесть одностороннего акта, в частности акта признания, с актом международного органа, например, ранее упоминавшейся резолюцией Организации Объединенных Наций, которая препятствует признанию государства, делает акт недействительным и не вызывает никаких правовых последствий.

78. В конкретном случае признания в рамках территориальных изменений мы отмечаем, что на практике акты аннексии, осуществляемые в нарушение международного права, рассматриваются как недействительные, и поэтому они не вызывают правовых последствий, которых добивалось государство-автор. Аннексия Эфиопии Италией, например, показывает, что признание третьими сторонами не придало этому акту желаемой законности.

79. Акт признания, как уже можно было констатировать, представляет собой волеизъявление, которое должно быть выражено абсолютно четко и которое применимо к правовому акту в целом, будь то договорный или односторонний акт. Акт признания будет действительным и будет вызывать юридические последствия, если воля государства-автора сформулирована безупречно. Причины недействительности, установленные в венском режиме о праве международных договоров, как уже указывалось в предыдущих докладах, и связанные с выражением согласия, в значительной мере применимы и к режиму, который может действовать в отношении односторонних актов в целом. Акт признания государства, в частности, является волеизъявлением, и недостатки, которые могут сказываться на нем, являются теми же, что и в отношении выражения согласия в этой сфере.

80. Акт признания государства должен быть сформулирован в соответствии с нормами международного права и, в частности, не должен противоречить какой-либо императивной норме международного права. Например, признание государства, созданного в нарушение международного права посредством, например, незаконной аннексии, как мы уже указывали выше, не имеет силы и не вызывает правовых последствий.

81. Условие действительности, применимое к правовому акту в целом, включенное в сферу договорного права и касающееся законности цели, является в полной мере применимым к акту признания в целом и признания государства в частности. По сути дела, крайне необходимо, чтобы, как мы могли уже убедиться, цель акта была законной.

III. Правовые последствия признания

Противопоставляемость и возможность требовать обеспечения выполнения. Обоснование обязательности акта признания

82. В этой главе мы вкратце рассмотрим три вопроса: правовые последствия акта признания государства, противопоставляемость и возможность требовать обеспечения выполнения и обоснование обязательности.

83. Прежде всего мы должны попытаться определить характер акта признания, особенно в том, что касается признания государства, т.е. идет ли речь об акте декларативном или конституирующем — вопрос, который обсуждается уже длительное время. Так, как указывалось Дугардом, «среди ученых-юристов ведется неразрешимый спор о том, может ли какая-либо политическая община, которая отвечает этим требованиям, автоматически квалифицироваться как государство, или же, помимо этого, требуется признание другими государствами, дабы наделить ее международным юридическим лицом»⁴², что соответствует точке зрения тех, кто настаивает на декларативном характере акта признания и кто утверждает, что «образование становится государством тогда, когда оно удовлетворяет требованиям государственности, и что признание другими государствами лишь подтверждает (заявляет) в качестве факта то, что до сих пор было неопределенным»⁴³.

84. По сути дела, как уже отмечалось, наличие той или иной определенной ситуации не зависит от такого заявления, как это подтверждается теорией в целом и признается в международных документах и текстах. Так, в отношении существования государства в статье 3 Конвенции о правах и обязанностях государств, принятой на седьмой Межамериканской конференции в 1933 году, утверждается, что «политическое существование государства не зависит от признания его другими государствами».

85. Аналогичное заявление было сделано Институтом международного права, когда он указал на то, что признание представляет собой:

«свободный акт, посредством которого одно государство или несколько государств констатируют существование в пределах определенной территории политически организованного человеческого общества, независимого от любого иного существующего государства, способного соблюдать предписания международного права»⁴⁴.

86. Следует добавить, что статья 13 Устава Организации американских государств указывает:

«Политическое существование государства не зависит от признания его другими государствами. Даже до своего признания государство имеет право на защиту своей целостности и независимости, на обеспечение своей безопасности и процветания, и, исходя из этого, право организовываться, как сочтет необходимым, издавать законы по касающимся его вопросам и руководить различными органами, а также определять юрисдикцию и компетенцию своих судов. Осуществление этих прав не имеет никаких ограничений, кроме уважения прав других государств в соответствии с международным правом».

87. В статье 14 этого же Устава уточняется, что:

«Признание означает, что признающее государство признает новое государство как юридическое лицо со всеми правами и обязанностями,

⁴² Dugard, John, *Recognition and the United Nations* (Cambridge, 1987), p. 7.

⁴³ J.L. Brierly, *Law of Nations* (Oxford, 1963), p. 139, цитируется по Dugard, *supra*, сноска 42.

⁴⁴ *Annuaire de l'Institut de Droit International, session de Bruxelles, 1936, vol. II, p. 300 y 301, articulo 1.*

которые как для одного, так и для другого вытекают из международного права».

88. Декларативная теория в отношении акта признания подкрепляется общим мнением авторов. Можно констатировать, что международная практика «показывает нам, как реальность нового государства констатируется посредством его признания»⁴⁵. Утверждается, что «новое государство не нуждается в признании для существования в качестве государства. Как только процесс создания завершается, оно является государством, субъектом международного права и членом международного сообщества»⁴⁶.

89. Арбитражные трибуналы также подтверждали декларативный характер акта. Так, в деле *Arbitraje Tiposo* трибунал высказывает мысль о том, что признание является лишь доказательством того, что выполнены все требования в соответствии с международным правом.

90. Вместе с тем характер акта признания был объектом различного толкования. В ряде случаев использовался — безуспешно — тезис о конституирующем характере признания, как это было сделано Данией в ходе процесса о Восточной Гренландии, когда правительство этой страны указало на то, что:

«Юридический статус определенного региона фиксируется в международном праве посредством общего суждения — или *communis opinio juris* — государств, составляющих международное сообщество... Когда требующийся суверенитет государства в отношении той или иной территории получает... всеобщую поддержку со стороны других государств, этот суверенитет должен считаться установленным... Суверенитет Дании в отношении всей территории Гренландии основывается прежде всего на международных соглашениях и на общем признании со стороны сообщества наций...»⁴⁷.

91. В последнее время тезис о декларативном характере подтверждается самой практикой государств. Так, можно отметить заключение Арбитражной комиссии Европейского сообщества, в котором подтверждается, что признание государств другими государствами является «чисто декларативным».

92. Хотя можно сделать вывод о том, что акт признания государства является, по сути дела, декларативным, нельзя отрицать того, что непризнание также влечет за собой важные правовые последствия. По сути дела, непризнание какого-то образования в качестве государства сказывается на осуществлении его прав в соответствии с международным правом, например прав, вытекающих из норм права, касающихся иммунитета государств и невозможности вступления в международные организации. Такая ситуация, несомненно, ограничивает международную правоспособность государства на практике. Как указывалось некоторыми, «признание не является простой формальностью..., юридическое положение нового государства не является одним и тем же *до и после*»⁴⁸.

⁴⁵ Verdross. A. *Derecho Internacional Público* (Madrid, 1976), pág. 228.

⁴⁶ Daillier y Pellet. *Droit international public* (Paris, LGDJ, 1999), pág. 553.

⁴⁷ Цитируется по Kohen, M., *Possession contestée et souveraineté territoriale* (Paris, 1997), pág. 330.

⁴⁸ Daillier y Pellet, *op. cit.*, pág. 559.

93. Акт признания является односторонним волеизъявлением, сформулированным с намерением вызвать определенные правовые последствия. Именно намерение государства-автора лежит в основе — как и при формулировании любого иного правового акта — акта признания государства. Разумеется, как можно было видеть в ходе прений в Комиссии, намерение автора может вызывать обеспокоенность в связи с теми трудностями, которые возникают в плане его определения. В любом случае, как уже указывалось, намерение доказать трудно. В деле о ядерных испытаниях, хотя мы и находимся в контексте акта, содержащего элементы обещания, Суд рассматривает намерение как основу — и вполне справедливо — обязательности акта. Намерение иногда бывает легко констатировать на основе толкования положений заявления и других обстоятельств при формулировании акта в соответствии с нормами, установленными для этого, по меньшей мере в сфере права международных договоров. Однако в других случаях это оказывается более сложным, хотя его и можно вывести, если это вытекает из толкования акта, как было указано в предыдущих докладах и заявлено в деле о ядерных испытаниях, также упоминавшемся ранее, в отношении обещания.

94. Акт признания может иметь в качестве предназначения другое государство, и на практике, возможно, это происходит чаще всего, однако это не препятствует рассмотрению возможности того, что такие акты бывают предназначенными для других образований, отличных от государства. Хотя можно заявить — по меньшей мере в этом контексте, — что только государство может формулировать такого рода акты, можно также сказать, что адресатом акта может быть любое другое образование, например международная организация как субъект, обладающий определенной, хотя и ограниченной правоспособностью, и, с другой стороны, образования иного рода, такие, как освободительные или повстанческие движения. Вместе с тем не делается попытки, поскольку, как представляется, этого не бывает на практике, распространить это положение на все образования, которые каким-либо образом выступают на международной арене, как, например, транснациональные корпорации или даже неправительственные организации. В любом случае мы пока ограничимся лишь актом признания государства.

95. Один из вопросов, который подробно не рассматривался в предыдущих докладах в контексте односторонних актов в целом, касается его последствий, хотя при этом всегда указывалось, что они могут варьироваться в зависимости от его квалификации, в частности от того, идет ли речь об актах, посредством которых государство принимает на себя обязательства, или об актах, посредством которых государство подтверждает свои права. В любом случае цель акта имеет весьма важное значение с точки зрения его последствий. Не представляется возможным дать какой-то один ответ в отношении всех актов. Независимо от цели акта признания последующее поведение государства-автора должно быть созвучным с положениями его заявления всегда, когда оно формулируется в соответствии с условиями, требующимися согласно нормам международного права, о которых шла речь выше.

96. Международное право придает юридическую силу признанию в том смысле, что государство, которое признало определенную претензию или определенное существующее положение дел, не может впоследствии опротесто-

вывать его законность⁴⁹, что подтверждается, как мы увидим позднее, как теорией, так и юриспруденцией.

97. Хотя акт признания может рассматриваться как декларативный, он влечет за собой важные правовые последствия. Во-первых, государство обязуется рассматривать существующую ситуацию с точки зрения факта или права в качестве таковой и уважать ее правовые последствия, так что оно обязано не возражать против нее в будущем.

98. Правовые последствия акта признания преобразуются прежде всего в противопоставляемость, о которой мы поведем речь ниже⁵⁰. Речь идет об акте, посредством которого государство принимает определенные факты или правовые акты, которые «оно признает как имеющие в отношении него силу»⁵¹.

99. Прежде чем рассматривать противопоставляемость в контексте акта признания, следует проанализировать ее в связи с договорами и обычаями. В соответствии с принципом относительного воздействия договоров, «третьи стороны не имеют отношения к обязательствам, участниками которых они не являются, поскольку они просто не противопоставляемы им»⁵². Противопоставляемость в контексте обычая носит более сложный характер. Государство может принять практику и рассматривать ее как юридическую посылку, поскольку она противопоставляема ему, но одновременно с этим возможно и то, что государство может отрицать существование практики или ее законность, что делает ее непротивопоставляемой ему. Государство может упорно противостоять тому или иному распространенному обычаю, что делает обычай непротивопоставляемым ему.

100. Признание во всех его формах делает противопоставляемыми, как мы уже видели, государству-автору акта признанную ситуацию с точки зрения факта или права, что в свою очередь создает возможность для адресата требовать обеспечения выполнения. Юриспруденция вполне ясна на этот счет, о чем можно судить по делу *Sentencia arbitral del Rey de España* от 23 сентября 1960 года, когда Международный Суд указал на то, что, по его мнению, «Никарагуа своими явными заявлениями и своим поведением признала действительный характер решения и уже не правомочно возвращаться к этому признанию, дабы опротестовать действительность решения»⁵³. Аналогичным образом Суд подтверждает это и в деле *Templo Préh Vihéar*, когда она указывает, что «Таиланд сейчас не может... оспаривать то, что он вообще был стороной, согласной на [урегулирование]»⁵⁴.

101. Что же касается акта признания, то здесь вопрос о противопоставляемости возникает в следующем плане. Признанием, как указывают некоторые, «государство объявляет, что, по его мнению, ситуация существует, и оно не может

⁴⁹ Anzilotti, M., *Cours de Droit International*, trad. française, Recueil Sirey (Paris, 1929), pág. 347. Citado por J.F. Williams, curso citado, pág. 210.

⁵⁰ В *Dictionnaire de droit international public* (Geon Salmon, ed.) (Bruxelles, 2001), как «способность нормы, правового акта, права или фактической ситуации вызывать правовые последствия в отношении внешних субъектов права, являющихся посторонними по отношению к непосредственно вытекающим обязательствам».

⁵¹ Daillier y Pellet, *op. cit.*, pág. 361.

⁵² *Ibid.*, pág. 273.

⁵³ *CIJ Recueil 1960*, pág. 213.

⁵⁴ *CIJ Recueil 1962*, pág. 32.

более этого не признавать; независимо от того, существует такая ситуация объективно или нет, она может быть теперь ему противопоставлена, если этого уже не сделано»⁵⁵. Признание вызывает последствия в отношении непосредственно вовлеченных государств, т.е. государства-автора акта и государства, для которого он предназначен. Государство, которое принимает меры и заявляет о признании, обязано вести себя так, чтобы его поведение было созвучно его заявлению в отношении того, для кого акт предназначается. В случае признания государства государство-автор признает, и, следовательно, ему становится противопоставляемым такой статус образования, являющегося объектом акта, в силу чего его правовые отношения должны учитывать такое признание.

102. Признание является волеизъявлением, сформулированным «с намерением сделать ту или иную ситуацию противопоставляемой по отношению к государству, которое заявляет о таком признании. Иными словами, государство, заявляющее о признании, допускает, что правовые последствия признанной ситуации применяются к нему. Это государство, к тому же, отныне не может оспаривать любое определение признанной ситуации (принцип эстоппеля)»⁵⁶.

103. В частном случае признания границы, например, мы отмечаем, как указывает Суд, что признание границы означает прежде всего согласие с этой границей, т.е. возникновение определенных правовых последствий из ее существования, ее уважение и отказ от ее опротестования в будущем⁵⁷.

104. Заявления о признании могут также иметь особое значение в качестве средства доказывания в определенных контекстах. Так обстоит дело, например, с заявлениями, сформулированными высокопоставленными деятелями Никарагуа, которые Суд рассматривал в контексте дела *Actividades militares y paramilitares*. Фактически Суд напоминает о том, что «заявления такого рода, исходящие от высокопоставленных официальных политических деятелей, причем порой самого высокого уровня, имеют конкретную доказательную ценность, когда они признают факты или поведение, являющиеся неблагоприятными по отношению к государству, представленному лицом, которое их делает. Они могут тогда рассматриваться как форма признания»⁵⁸. Заявления, о которых идет речь, рассматриваются Судом в более широком контексте. Так, он рассматривает заявления, сформулированные в сфере международных организаций, и в конкретном плане принимает во внимание «заявления представителей сторон... в международных организациях... в той степени, в какой они являются действительно актуальными»⁵⁹.

105. Обязательность одностороннего акта признания должна быть оправдана. Поэтому, подобно тому, как договор является обязательным для его участников и должен ими добросовестно выполняться, что следует из статьи 26 Венской конвенции 1969 года, акт признания также является обязательным, и государство, которое его формулирует, должно добросовестно выполнять его.

⁵⁵ Combacau y Sur. *Droit International Public*, 4a ed. (Paris, Montchrestien, 1999), pág. 281.

⁵⁶ Degan, V.-D., *Creation ed disparition de l'Etat (à la lumière du démembrement de trois Fédérations multiethniques en Europe)*, RCADI, 1999, tomo 279, pág. 247.

⁵⁷ Différence territoriale (Jamahiriya arabe libyenne v. Tchad), Arrêt du 3 février 1994, *CIJ Recueil 1994*, pág. 42.

⁵⁸ *Activités militaires et para militaires au Nicaragua et contre celui-ci (Nicaragua c. Etats-Unis d'Amerique, fond, arrêt, C.I.J. Recueil 1986*, pág. 14, párr. 64.

⁵⁹ *Ibid.*, párr. 72.

106. Норма *pacta sunt servanda*, принятая повсеместно и означающая, что добросовестность должна преобладать при выполнении действующего договора, удовлетворяет потребность в правовых гарантиях, что в равной степени применимо и к одностороннему правовому акту, в случае которого также должна иметься подобная гарантия.

107. Односторонний акт в целом и акт признания в частности является противопоставляемым по отношению к государству-автору, как уже указывалось, начиная с этого момента, что создает возможность для адресата или адресатов требовать обеспечения выполнения. Добросовестность должна также служить основой обязательности этого акта, как было указано Международным Судом в деле о ядерных испытаниях, хотя это увязывается с конкретным типом акта, таким, как обещание⁶⁰.

108. Приспособление юридического принципа для оправдания его обязательности было рассмотрено Комиссией в 1996 году⁶¹ и признано Специальным докладчиком в его первом докладе по этой теме⁶². Односторонний акт признания является обязательным на основе принципа *acta sunt servanda*. К этому следует добавить, что доверие в международно-правовых отношениях также усиливает это обоснование обязательного характера односторонних актов, в частности акта признания.

IV. Применение акта признания

Возникновение правовых последствий и их относительность. Территориальное и временное применение акта признания. Изменение, приостановление, отмена и прекращение одностороннего акта признания

109. Акт признания вызывает последствия в отношении участвующих сторон (автор и адресат) с момента его формулирования, что в определенной степени аналогично вступлению в силу договора в контексте права международных договоров. Акт вызывает последствия, но при этом их принятие адресатом не является необходимым, т.е. он вызывает последствия сам по себе, что является одной из главных отличительных особенностей одностороннего акта в целом, как было указано Судом в связи с уже упоминавшимся делом о ядерных испытаниях⁶³, в котором была сделана ссылка на один из них — обещание.

110. Акт признания налагает на государство-автора обязательство в отношении адресата или адресатов. Посредством акта такого рода государство-автор не может налагать обязательства на третьи стороны без их согласия, как это имеет место в сфере права международных договоров и как это уже было рассмотрено Комиссией. Принцип *pacta tertiis nec nocent nec prosunt*, т.е. договоры не обязывают третьи стороны и не дают им выгод, полностью применим в отношении любого правового акта.

⁶⁰ CIJ Recueil 1974, par. 46 y 49.

⁶¹ *Официальные отчеты Генеральной Ассамблеи, пятьдесят первая сессия, Дополнение № 10 (A/51/10)*, добавление 3, стр. 342.

⁶² A/CN.4/486, пункт 157.

⁶³ CIJ Recueil 1974, par. 43.

111. Два вопроса, решенные в контексте договорного права, заслуживают комментария в связи с односторонними актами и актом признания государств в частности, а именно: территориальное применение акта и его применение во времени.

112. Территориальное применение в контексте права международных договоров регулируется статьей 29 Венской конвенции 1969 года, в которой в общем плане устанавливается, что территория, в отношении которой применяется договор, — это та территория, о которой договариваются стороны. Существует презумпция, согласно которой договор применяется к территориям, на которые распространяется суверенитет государства. Со своей стороны, территориальное применение акта признания, по сути дела, зависит от самого объекта признания, т.е. от того образования, о котором идет речь, хотя ничто не препятствует тому, чтобы государство-автор сформулировало еще одно ограничение с целью исключения какой-либо части территории нового государства, поскольку она является его частью. Во всех случаях воля автора имеет решающее значение. Норма, изложенная в статье 29 Венской конвенции о праве международных договоров, по нашему мнению, в полной мере применима к одностороннему акту признания, особенно признания государства.

113. Применение во времени является, пожалуй, менее сложным. В отличие от объекта в данном случае мы ссылаемся на волеизъявление и на его временные последствия. Можно утверждать, что в принципе акт, как и в праве международных договоров, вызывает последствия с момента его формулирования или с момента, в который адресат узнает о нем — вопрос, который еще не рассматривался, — если только государство-автор не выражает иное намерение. Отсутствие обратной силы, о котором идет речь в режиме международных договоров, представляется применимым и в контексте односторонних актов, в частности одностороннего акта признания. Только если государство-автор или заявитель признания указывает на что-то иное, акт вызывает последствия с момента его формулирования, как это видно из статьи 28 Венской конвенции 1969 года. Вопрос об отсутствии обратной силы в применении к договорам уже рассматривался международными трибуналами, в частности Международным Судом и его предшественником — Постоянной палатой по делам *Ambatielos* и *Mavrommatis*.

114. Последний вопрос, который возникает в связи с актом признания в контексте его применения, касается его изменения, приостановления или отмены. Как уже было указано, акт вызывает правовые последствия начиная с момента его формулирования, причем нет необходимости в его принятии или в какой-либо реакции, которая означала бы это, со стороны адресата или адресатов, что весьма отличается от разработки и вступления в силу в контексте права международных договоров, когда сочетание желаний приводит к рождению акта и когда сами государства-участники определяют момент появления акта и начала возникновения его правовых последствий. Основное правило, регулирующее эту сферу, заключается в том, что изменение договора возможно только на основе волеизъявления участников договора.

115. В случае односторонних фактов в целом и акта признания в частности акт разрабатывается в одностороннем порядке. Речь идет, как уже говорилось, об одностороннем волеизъявлении, которое не зависит от другого волеизъявления

для того, чтобы приводить к возникновению правового акта. С другой стороны, именно с этого момента акт вызывает свои правовые последствия.

116. Вопрос, который возникает в этой связи, заключается в том, может ли в этом контексте применяться тот же предусмотренный в венском режиме критерий с учетом специфичности одностороннего акта и его частных особых характеристик, которые отличают его от договорного акта. В конкретном плане возникает вопрос о том, может ли государство-автор изменять, приостанавливать или отменять акт в одностороннем порядке.

117. Во-первых, мы можем отметить, что в связи с односторонним актом в целом теория в основном устанавливает, что государство-автор не имеет полномочий изменять — как правило — правовые отношения в одностороннем порядке. По мнению некоторых, государство-автор акта не способно произвольно, посредством другого одностороннего правового акта создавать норму, отменяющую то, что было создано посредством первого акта⁶⁴. По мнению других, эта способность может быть ограниченной или даже может отсутствовать⁶⁵. В конкретном случае отмены и в связи с односторонним актом в целом она допустима «только в предусмотренном общими нормами международного правового режима случае, поскольку, если бы это было не так, юридическая ценность этих же актов была бы оставлена на произвольное усмотрение их авторов»⁶⁶. Неразрешенный односторонний акт, который изменяет предыдущий акт, может рассматриваться как отдельный акт, который можно даже поставить в контекст международной ответственности.

118. Изменение, приостановление или отмена одностороннего акта, в частности акта признания, возможны тогда, когда это предусмотрено в самом акте. Так, например, если вновь обратиться к гипотезам, которые могут быть действительными как повод для размышления, государство-автор акта указывает в самом акте на то, что он будет изменен при одном определенном предположении. Аналогичным образом он может быть приостановлен, если выполнены определенные требования, и даже отменен при аналогичных обстоятельствах. Следует добавить, что акт может прекращать действовать в строгом смысле этого термина, т.е. в случае его осуществления, когда в самом акте предусматривается его окончательное прекращение либо устанавливаются условия, обосновывающие его прекращение. Например, может случиться так, что «государство формулирует обещания на срок в 10 лет или что оно оговаривает его определенными резолютивными условиями. В таких случаях, если истекает срок или выполняется условие, обещание прекращает действовать, причем без необходимости какого-либо акта отмены. Может возникнуть и другой случай, при котором автор обещания или отказа четко предусмотрел возможность их отмены при определенных обстоятельствах. Однако, если возможность отмены не вытекает из контекста одностороннего правового акта или из его характера, одностороннее обещание и односторонний отказ являются, в принципе, неотменяемыми»⁶⁷, по крайней мере в таком же одностороннем порядке. Короче говоря, можно сказать, что односторонние акты в целом не подлежат изменению в ши-

⁶⁴ Barberis, Julio, *op. cit.*

⁶⁵ Skubiszewski, K. “Unilateral acts of States”, en Bedjaoui, M. *International Law: Achievements and Prospects* (Dordrecht, 1991), pág. 234.

⁶⁶ Venturini, *op. cit.*, pág. 421.

⁶⁷ Barberis, Julio, *op. cit.*

роком смысле этого понятия, если только из самого акта не вытекает обратное, или если это не является результатом предусмотренных обстоятельств или условий, или если, как мы увидим впоследствии, не возникают другие, внешние ситуации, побуждающие к этому.

119. Изменение акта, его приостановление или его отмена, помимо вышеуказанных предположений, возможны только тогда, когда имеется согласие адресата. По сути дела, если акт носит двусторонний характер, как мы уже указывали ранее, возникает право адресата, которое, не затрагивая односторонний характер акта, делает любое изменение зависящим от воли адресата.

120. В случае акта признания государства — обращаясь опять же к чисто гипотетическому случаю — мы можем отметить, что акт признания государства, хотя он носит и декларативный характер, не может быть изменен, приостановлен или отменен в одностороннем порядке, если только не возникают какие-либо из указанных выше обстоятельств, как, например, исчезновение государства (объекта) или изменение обстоятельств.

121. И наконец, краткое замечание, которое может заставить задуматься и которое касается изменения акта по причинам, не зависящим от воли государства-автора. Акт признания может, по сути дела, перестать вызывать правовые последствия в силу внешних причин, как это явствует из венского режима о праве международных договоров, в частности из положений, касающихся возникновения ситуации, делающей невозможным выполнение⁶⁸, и коренного изменения обстоятельств⁶⁹, которое делает невозможным выполнение договора.

122. В общем плане, если объект акта исчезает, акт прекращает вызывать правовые последствия, что в определенной степени означает перестановку концепции, предусмотренной в режиме договорного права. В случае акта признания государств, в частности, если государство исчезает по причине его распада или развала, например, акт более не вызывает последствий. В равной мере можно утверждать, что коренное изменение обстоятельств или клаузула *rebus sic stantibus*, которая истолковывается как резолютивная клаузула в областях договорного и обычного права, могут также воздействовать на применение одностороннего акта признания, в частности в том, что касается приостановления или прекращения, хотя, как утверждается в основных положениях теории, его принятие не противоречит ни обязательности договоров, ни применению нормы *pacta sunt servanda*.

123. Считать, что изменение обстоятельств может обосновать приостановление или прекращение одностороннего акта — это значит рассматривать данную клаузулу более обстоятельно. Изменение должно быть коренным и должно воздействовать на сам объект акта, причем, как указывается в праве международных договоров, изменение должно затрагивать существенное основание согласия государства-автора, как указывается в подпунктах (a) и (b) пункта 1 статьи 62 Венской конвенции 1969 года, хотя там речь идет исключительно о международных договорах.

---

⁶⁸ Статья 61 Венской конвенции 1969 года.

⁶⁹ Статья 62 той же Конвенции.